

Литературная

СТРАНИЦА

УСКОРЕНИЕ

Ветер рвет на спине рубаху.
— Санька! Санька! Дави газы!
Мы летим по сплошному мраку,
Игнорируя выражи.
— Санька! Длинный ты мой скелет!
Как нелепо мы засиделись!
И теперь — лететь на пределе,
Словно выстрелил нас пистолет.
И теперь-то, как никогда,
Скорость эта нужна скаженной.
Значит, надо забыть навсегда
Торможение.
Разобьемся? Какая чушь!
В нашей жизни обыкновеннее
Разбивается больше душ,
Неспособных на ускорение.
И поэтому не дурак
Тот, кто может лететь безумно...
..Мы неслись, рассекая мрак,
И навстречу спешили утром.
А. АВЕРЬЯНОВ,
студент.

ВЕТКА

В мое окно заплаканное
Стучится ветка осторожно.
Как жемчугами заткана
Коричневая кожа.
Зовет в свой мир оранжевый
В прощальный хоровод,
Свой жемчуг не одалживает,
— Даром отдает.
И только не расстанется
С единственным листком,
Она на праздник явится
Под собственным флажком.
И. КИШУКОВА.

ИЗ ТВОРЧЕСТВА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

с самолетов? А самолетам еще воевать надо.
Утром на завтрак обычно давали жиденькую кашу и чай с тоненьким ломтиком хлеба. Но сегодня зав-

общила на ухо соседке:
— Давайте завтра все по одному кружочку редиски отдадим Коле, чтобы он ходил, как и мы.

Новость быстро облетела кровати. Все тут же согласилось, только Ваня немного помолчал сначала, тяжело вздохнул и потом уже мотнул головой в знак согла-

РЕДИСКА

В изоляторе лежали три девочки и два мальчика. Одного из них звали Ваня, другого Коля. Колю поселили сюда совсем недавно: где-то разбомбили детдом, и всех детей, оставшихся в живых, распределили по другим детским домам.

Коля сразу всем понравился. Он красиво рисовал и, когда кто-нибудь из ребят напоминал об этом, его большие серые глаза светились радостью.

Каждое утро четыре худенькие фигурки, держась за холодные спинки кроватей и шлепая огромными не по размеру тапочками, уходили совершать утренний туалет.

Как-то утром шестилетняя Маринка, любившая задавать много вопросов, спросила:

— Коля, а почему ты никогда не встаешь?

— У меня цинга, — тихо ответил мальчик.

— А что такое цинга? — не унималась Маринка.

Другие дети были постарше и понимающе молчали. Коля авторитетно ответил:

— Это бывает, когда человек мало ест овощей. Разве ты не знаешь, что продукты нам сбрасывают

трак был необыкновенный. На тумбочки няня ставила редиску. И хотя ее было немного, но это все-таки была настоящая редиска, пахнущая огородом, лесом и еще чем-то хорошим, неуловимым, что за-

РАССКАЗ

слонила собой война. Редиска напоминала ребятам, что где-то там, за кольцом блокады, живет много-много добрых людей, которые день и ночь думают о голодающих ленинградцах.
Вечером, когда Коля уже уснул, Маринка, перегнувшись с кровати, со-

Утром Маринка сняла ломтик хлеба на тумбочку и, протянув пустую тарелку, громко зашептала:

— Давайте! Все положили по кружочку редиски, нетерпеливо дожидаясь, когда же проснется Коля, и его большие серые глаза засветятся благодарностью. Но Коля не просыпался. Пришла няня и накрыла его белой простыней с голубой. Все переглянулись...

Через некоторое время в изолятор пришли тети в белых халатах с носилками и унесли его. Няня молча собрала в охапку его подушку и одеяло, а матрац сложила вдвое, обнажив голый скелет кровати.

Колю унесли. Только на тумбочке стояла тарелка. Четыре прозрачных кружочка с тоненькими бордовыми каемочками сиротливо жалась друг к другу.

И. КИШУКОВА,
библиотекарь
школы № 13.

ЗАРЯ ПЛАНЕТЫ

Пятидесятым утром Октября
Песнями мой город оглашен.
Разлилась по улицам заря
Шелком колышающих знамен.
Двигается ликующий поток
Вечно неггибаемых людей,
Лица их морозный ветерок
Разрумянил яблока красней.
Я плечом к плечу в одном строю
Вместе с металлургами иду
И о счастье Родины пою
С верными друзьями по труду.
На душе у каждого тепло,
Нам свободно дышится сейчас...
До чего же весело, светло

В Медногорске праздничном у нас!

А. АНТОНЕНКО,

загрузчик медно-серного комбината.

ВЕСНА

Она идет не робкой гостьюй,
Она идет хозяйкой к нам,
Деревню превращая в остров.
А жителей — в островитян.
Ей нравится гакой порядок:
Все переделать, все сломать,
И итчи шумные базары
Как к полководцу к ней спешат,
Весна окошки открывает,
До блеска чистит солнца медь.
И трактор на полях гуляет
Как пробудившийся медведь.
А. ТРОФИМОВ, слесарь.

ВЕРНОСТЬ ДРУЖБЕ

Мне немало по свету
Придется пройти,
Спорить с ветром жестоким
В безлюдной степи.
Подниматься с рассветом,
Встречаться, прощаться,
Собираться в дорогу
И снова идти.

Мне любить эти горы,
Грозный грохот обвалов,
Голубые рассветы
И закаты в огне,
Тишину у костра,
Грусть ночного привала
И таинственный мир
Молчаливых камней.
Ну, а ты не грусти,
Что мы видимся редко.
Ты сумей и в разлуке
Верность дружбе сберечь.
Над тобой пусть смеются
И жалеют соседки...
Тем, кто не расставался,
Не понять радость встреч.

Г. СУЛТАНМУРАТОВА,
учащаяся ГПУ-9.

БАЛЛАДА О КОМИССАРЕ

До чего ж это звезды яркие
Над землею горят в ночи...
Днем вы, степи, такие жаркие,
Ветер дунет, ну как в печи.
Красноармейцы лежат усталые:
До Орска — недалекий путь.
Погоди вставать, зорька алая,
Дай немного им отдохнуть.
А дорога — ладошка голая,
Ни травинки, ни куста...
Эх, какие здесь невеселые,
Неприветливые места.
Белячье затаилось злобное,
Береги, комиссар, бойцов!
Оно может всю злость утробную
Расплескать, не найдешь концов.
Часовые — само внимание —
Охраняют обоз — бивак,
Брежут псы. Лошадиное ржанье
Растворяет полночный мрак.
Потянулся комиссар Терехин,
Козью ножку завернул с вершок.
— Черт возьми, а было б неплохо
Полежать еще с часок!
— Кто идет!
— Свои...
— Пароль!
— Кадеты...
— Комиссар!
— Как видишь, это я...
Ночь-то, ночь какая! Только где-то
Еле слышен посвист соловья.
Вот уже и зорька заалела,
Значит, скоро солнышку вставать...
Но внезапно банда налетела

— Не жалеть! Руби их, в бога мать!
И враги уже осатанело,
На фургоны ринулись зверьем.
Видю, сила одолела:
— Комиссара захватить живьем!
Невалились, сгрудились, связали
И в рассвет куда-то повели...
Красноармейцы руки разбросали
На груди у матушки-земли.
Атаман усами передернул:
— Комиссар!
Молчание в ответ.
— Что же, если говорить,
У меня вопросов больше нет.
Можешь сам себе копать могилу,
У тебя в запасе полчаса.
Комиссар, найдешь ли в себе силы
Встретить смерть, не замочив глаза!
— Я готов! — И бросил взгляд упрямый,
Сколько здесь собралось верховых:
— Комиссаров мы хороним в ямах
Только не убитых, а живых.
— В яму! — Торжествуя, победно
Атаман махнул своей рукой
— «Это есть наш последний
И решительный бой...»
Комиссар Терехин пел все глуше,
И земля ворочалась над ним.
Шар земной в немом молчанье слушал
Песню песен — пролетарский гимн.
Хорошо шумит пшеничный колос,
Ветер дунет — и за валом вал
В шуме этом комиссарский голос
Все поет «Интернационал».

А. ТРОФИМОВ.

На снимке: государственный ансамбль народного танца Северной Осетии исполняет осетинский вальс.
Фото В. Соболева. Фотохроника ТАСС.